

Лидия Довыденко

От неба данная земля

А зачем выдумывать? Зачем героини и герои? Зачем роман, повесть, с завязкой и развязкой? Вечная боязнь показаться недостаточно книжным, недостаточно похожим на тех, что прославлены! И вечная мука — вечно молчать, не говорить как раз о том, что есть истинно твоё и единственно настоящее, требующее наиболее законного выражения, то есть следа, воплощения и сохранения хотя бы в слове!

Иван Бунин

Янтарный пролог

Ветер с ровной силой гонит тёмно-синюю воду из неглубокого Балтийского моря по Калининградскому морскому каналу в Вислинский залив, и эту картину я наблюдаю из своего окна. В Балтийске мы жили в служебных квартирах, арендовали, получали свою на улицах Солдатской, Пирогова, Ушакова, Литке, на Гвардейском бульваре, но самое романтическое жильё было в трёхэтажном доме довоенной постройки на Морском бульваре, 1, на первом этаже, № 14. Как сейчас, я вижу из окна, ежедневно наблюдая движение судов и кораблей по Калининградскому морскому каналу, как мелкие белые барашки волн проносятся в потоке воды со скоростью, с какой летают чайки. Но птицы делают разворот и, пытаясь лететь навстречу ветру, зависают в воздухе, усиленно машут крыльями, то поднимаясь вверх, то опускаясь, высматривая зоркими глазами рыбёшку в стремительном потоке воды, преодолевают ветер. Через пару дней непостоянный ветер изменит своё направление, и вода по каналу побежит из залива в море. «Не может поток бежать вспять!» А здесь это возможно. Здесь, в Янтарном крае. Такое же явление происходит с рекой Иордан в день именно православного Крещения. Река начинает бурлить и поворачиваться вспять. Это вселенская тайна — почему.

Если бы я приехала в Калининград как путешественница, я, наверное, вряд ли захотела бы здесь жить. Но выбора у меня не было, земля, а точнее, вода Балтийского моря и его берег притянули и не отпускают. Зачем, почему? Кто-то должен быть женой моряка, ждать его на берегу. Я покинула родную землю, оказавшись на краю Советского

Союза, пронизанного дождями, туманами, ветрами и штормами, и расценивала это как поступок, равный следованию жён декабристов в Сибирь. Мои чувства не связаны с пессимизмом, который является отсутствием задач и целей или дешёвыми идеалами, а с пониманием, или хотя бы его задатками, волшебной тайны судьбы, в которой ты не наблюдатель, а участник. Живя здесь, мыслями я пребываю в родном краю, в родной Беларуси, где так жадно читала я классиков, русских и белорусских, всматривалась в окружающих меня людей, распознавая наши национальные типы, интересуясь историей славянских стран и проникаясь их величием, внутренним убеждением: нужно служить своему народу. И сейчас, выходя на берег Балтийского моря, я помню, что всё течёт и изменяется, жизнь многовариантна, потоки воды могут двинуться вспять и в любой истории есть Божественный Промысел, а родная Беларусь — совсем недалеко и в мыслях, и в душе.

Корни и кроны

Беларусь мы называем Батьковщиной, а по-русски — Отечеством. И, думая о Родине, я вспоминаю отца, так любившего стихи Александра Сергеевича, а прозу — Льва Николаевича, но также и Янку Купалу, и Ивана Шамякина, и Владимира Ароуткевича. Мой отец, Щепов Владимир Алексеевич (1925–2009), родился в деревне Хомичи Быховского района Могилёвской области. Он говорил, что род Щеповых всегда был связан с лесом и обработкой дерева, но вот его дед служил на флоте Российской империи, как и многие другие выходцы из Беларуси, ведь практически все жители родной деревни росли на берегу стремительной, с омутами, реки Друть и отлично плавали, сплавливали лес, легко управлялись с плотами и вёсельной лодкой, были отменными рыбаками. Мой прадед, Щепов Архип (в некоторых документах — Артём) Филиппович (1840–1932), вернулся после службы на флоте в родную деревню, женился, родилось двенадцать детей. Архип (Артём) Филиппович будто бы основал деревню Дедово, находящуюся между Хомичами и Тощицей. Дед Архип, по воспоминаниям отца, несмотря на то, что был уже слабеньким, любил топить баню, или делал какие-то другие дела во дворе, просил внука:

— Володька, давай почитай мне псалмы вслух.

Внук сидел во дворе на деревянную колоду, читал, но и слушал тоже эпизодические воспоминания... Однажды рассказал дед внуку, как ходил в составе русской экспедиции к берегам Соединённых Штатов Америки. Мальчику Володе было интересно, но он мало понял тогда, а уже значительно позже, после войны, будучи взрослым, он прочёл более подробно о том, как в 1863 году отправились русские корабли к охваченной Гражданской войной Америке, войной нерабовладельческого Севера и рабовладельческого Юга. Первая эскадра России в составе шести кораблей отправилась под флагом контр-адмирала С. Лесовского, численность экипажа которого составила три тысячи человек. Вторая эскадра, также из шести кораблей, направилась в Сан-Франциско под командованием контр-адмирала А. Попова, численностью тысяча двести человек. Россия безоговорочно поддержала Север. Американцы с большой симпатией принимали русских моряков. Итогом войны стало запрещение рабства, закреплённое в Конституции США.

А я с удивлением начала читать об этой забытой истории, когда в 2013 году была выпущена медаль к стапятидесятилетию морского похода с изображением портретов Александра Второго и Авраама Линкольна. Ведь мой прадед был в походе, в котором участвовал композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков, более того — там был отец моего любимого поэта Николая Гумилёва, Степан Яковлевич Гумилёв, который ходил в составе американской экспедиции в должности доктора на фрегате «Пересвет».

Неизвестно, спас ли жизнь кому-то в Америке мой прадед... Но почему я об этом думаю? Меня впечатлил рассказ моего отца о том, как американец в конце апреля 1945 года спас ему жизнь. Папа не помнил, как звали этого водителя студебекера, который копался в капоте в поисках неисправности, когда на территории Германии два узника концлагеря, измождённые, промёрзшие до костей, на грани потери сознания, вышли на дорогу, убегая от горящего концлагеря, подвергнутого бомбардировке английской авиацией. Отец мой помнил лишь белоснежную улыбку чернокожего человека, протянувшего ему тёплую куртку и горячий кофе из термоса.

— Мы так намёрзлись за ночь в каком-то парке, что зуб на зуб не попадал. Не так мучил голод, как холод. Водитель машины дал мне куртку, которая мне очень хорошо подошла, несмотря на мой высокий рост, и я был ей несказанно рад. «Рад» — это не то даже слово, это было счастьем — наконец согреться. Не раз я добрым словом потом вспоминал этого американского солдата с благодарностью за спасение.

Как мир тесен, и как причудливо переплетаются факты истории и судьбы людей. Уже в двадцать

первом веке, когда все уже почти поголовно стали искать свои корни в глубинах веков, задала и я поисковику в интернете фамилию «Щепов». Удалось найти её среди потомков Ярослава Мудрого, а затем Владимира Мономаха, князей Ростовских-Щеповых, а потом следы пропадают...

— Куда же потом они делись — эти князья Щеповы, которые были в четырнадцатом веке? Почему исчезли в других веках? — спрашивала я генеалогов.

— А все они погибли на Куликовом поле, — отвечали мне историки.

Так вот оно что... Вот почему так волновалось сердце, когда в 2015 году по пути из Москвы в Воронеж со своими коллегами остановились мы уже на закате дня у храма Преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле. День стремительно завершался, и мы пошли к стеле, установленной два века назад в честь победы Дмитрия Донского над войском Мамай, — к символу нашей славянской воинской доблести, чтобы остановиться в трепетном молчании, в благодарной памяти о тех, кто отдал жизни за святую Русь. На многоступенчатой круглой колонне читали надпись золотом в чугунном проёме: «Победителю татар великому князю Дмитрию Иоанновичу признательное потомство лета от Рождества Христова 1848».

Мы вошли в храм Сергия Радонежского, окна которого сияли золотым светом среди белеющих стен, и уже в тёмно-синем небе с трудом различались ярко-зелёные купола и кровля церкви. При входе в храм стояли манекены в красных одеждах, покрытых тонкой кольчугой, русских воинов и тёмно-зелёные костюмы с кожаными тонкими ремешками воинов-татар. В храме молились немногочисленные прихожанки, и так тепло было в нём от горящих свечей и негромкого голоса священника. И как тут не вспомнить художника Юрия Ракшу, его картину «Проводы ополчения» — проводы на Куликовскую битву. В правой части триптиха потрясают фигуры женщин с детьми, оставшихся дома. В центре — красавица-славянка, мать, ждущая ребёнка, который, возможно, никогда не увидит отца. Князья Щеповы все полегли на Куликовом поле. Остались дети без отцов, и фамилию Щеповых мы находим в разных веках в Пскове, в Сибири, потом на Брянщине, а потом — в Беларуси. Что интересно, что прадеда-моряка судьба определила на фрегат «Пересвет», вооружённый сорока тремя орудиями. К одной из этих пушек и был приставлен прадед. А внук его, то есть мой отец, в армии служил в артиллерии, а теперь я живу в Калининграде на улице Артиллерийской.

Но никогда я не забуду этого письма историка-генеалогов: «Все князья Щеповы полегли на Куликовском поле, в числе тысяч русских людей».

Вспомнился мне Александр Блок, его цикл «На поле Куликовом». Вот почему он ушёл

от торжественных нот. Он понимал трагедийность события, несмотря на победный итог битвы. Какой же ценою? По подсчётам московского боярина Михаила Александровича, «погибло у нас дружины всей 253 тысячи, а осталось у нас дружины 50 (40) тысяч». Хоронили убитых семь дней. «Плачь, сердце, плачь!» — повторяет Блок. Провидчески он чувствовал неизбежность и в будущем возвращения России к навязанной ей ситуации Куликовской битвы. Битва — это отдание жизни за победу в ней.

И вот двадцатый век. Узнала о такой формулировке, как «сведения о безвозвратных потерях». На обелиске в память об участниках Великой Отечественной войны в деревне Хомичи — восемь фамилий Щеповых, павших на фронте. Удалось установить у некоторых павших родственников места их захоронений: Бранденбург, Подляское воеводство, — а у большинства не указано мест захоронения, и везде причина смерти: убит, убит, убит. А сколько погибло в оккупации...

Мой отец выжил. Под диктовку его записывала я членов его семьи, его братьев и сестёр: «Брат Ефим Щепов был женат на Маруте. Дети их: один мальчик погиб во время войны. Марута его держала на руках, когда переходила линию фронта, и пуля попала ему в голову. Маленькая дочь её Зина плакала, немецкая пуля попала ей в щёку и вылетела через открытый рот. Марута в юбке обнаружила две дырки от пуль, которые её не задели...»

И вот двадцать первый век. Ковидные времена. На экранах телевизора — кадры протестных улиц США и поцелуев белыми людьми ботинок чернокожих. Мне вспоминается водитель студебекера, спасший отца, и думается, что никогда бы он не позволил никому целовать свои ботинки.

На берегу Узбинки

Деревня Хомичи, в которой я родилась спустя семь лет после Победы, помнится мне уже почти восстановленной после войны. Эта деревня состояла из четырёх улиц, которые имели названия как отдельные поселения: Выгон, Селиба, Село, Вирок. В деревне все дома были деревянными, с резными наличниками, редко — со ставнями, обычно выкрашенными голубой и белой краской, и обязательными палисадниками для цветов перед окнами, выходящими на улицу. А за домами, окружёнными хозяйственными пристройками, тянулись сады, а за ними — огороды.

Каждый метр деревенской земли мне дорог, живёт своей жизнью в воспоминаниях, в сердце, являясь высоким смыслом того, что мне напостижимо, почему я оказалась там, почему душа моя выбрала именно этот уголок земли для любви до конца своих лет.

Центром деревни был клуб. В длинном бревенчатом здании был не только клуб, там размещались

правление колхоза «Новая жизнь», довольно большая библиотека, где я провела немало времени в своём детстве, и клуб — зал с деревянными скамейками, где проходили праздники, концерты, собрания, где показывали фильмы, открывавшие нам страну и мир.

Клуб стоял на берегу небольшой речки Узбинки, протекавшей через всю деревню.

Сейчас его нет, на его месте кусты и большие деревья, но он был частью моего детского мира, а небесный свод над деревней — моим храмом, моим постижением совести и добра.

Чуть ближе к реке стоял магазин, в котором продавали как продовольственные, так и промышленные товары. От клуба вдоль магазина дорога спускалась вниз к реке, через которую был переброшен хлипкий дощатый мост на деревянных сваях. От моста начиналась прямая улица, которая называлась Селиба. В своём начале по весне и по осени, во время дождей, эта улица была очень грязной. Идти по ней нужно было, тщательно выбирая дорогу — и всё-таки без всякой надежды не испачкать обувь. Но потом улица начинала подъём вверх, чем выше, чем чище дорога.

На этой улице жила сестра моего дедушки Ивана — Аксинья, всегда опрятная, чистенькая, ласковая, со стройной изящной фигуркой с тонкой талией, обхваченной пояском домашнего фартука, и косой, которая короной лежала на голове. Она жила со своей дочерью Груней, красавицей, обществуницей, её мужем Василием и их детьми.

Довольно длинная улица заканчивалась некрутым спуском к широченному лугу — пойме реки Друть, притока Днепра. В последнем доме по левой стороне улицы жил брат моего отца, дядя Ефим, с женой Марутой и детьми. Тётя Марута угощала меня отменной сладкой и сочной морковкой. И не от неё ли я поняла потребность повторять себя в других добротой, лёгкостью, гостеприимством?

По весне река разливалась так широко, что подходила как раз к берегу, где заканчивалась Селиба. И хотя в детстве я не видела моря, но весенний разлив мне и казался морем. Край его сливался на горизонте с небом. И тёмно-синяя вода, и синее небо были неподвижны, лишь редкий ветерок слегка рябил поверхность воды, и отражавшаяся в ней небо было торжественно и величаво. Казалось, вода и небо наслаждались своей величием, рождая и в тебе представление о чём-то Большом и причудя тебя к Большому, без которого ты уже и не мыслишь своей жизни. Потом вода начинала медленно спадать, появлялись пятна грязных островков, и к июню месяцу луг покрывался сочной изумрудной травой, в которой пестрели цветы и вили гнёзда птицы. Трудно найти слова, чтобы описать красоту этого луга, когда он созревал и начинался сенокос. О простор, о запах сена, о песни косцов! Сколько счастья

вы дарили детскому сердцу! О сказки и легенды в изложении мамы!

Если стать спиной к клубу, глядя на Селибу, то по левую руку начиналась длинная улица под названием Село. Она не имела прямизны Селибы, потому что повторяла изгибы речки Узбинки, вдоль которой по обе стороны дороги стояли дома. Особенную добрую зависть вызывали у меня дома, чьи огороды спускались к самой реке. Плодородная почва их давала обильные урожаи. Владельцам этих огородов не нужно было таскать ведрами воду из колодцев для полива, потому что они черпали её прямо из реки. И так улица шла до второго, более прочного и чаще ремонтируемого, моста через Узбинку. А после моста дорога раздваивалась: прямо — в богатый грибами и ягодами лес, а влево начиналась ещё одна улица, получившая название Вирок. Длинная эта улица продолжалась просёлочной дорогой среди широких полей и вела через лес, тянувшийся примерно шесть километров, в сторону деревни Дедово, которую основали, по словам моего отца, его предки, а дальше, километров через пять, была железнодорожная станция Тошица. В начале этой улицы жил мой крёстный, Щепов Евдоким, со своей большой семьёй. Он всю войну был в партизанах и помог моей бабушке Марфе с двумя младшими детьми и маленькой внучкой перейти ночью по льду Друти и присоединиться к партизанскому отряду.

От клуба в противоположную сторону от Селибы начиналась короткая улица под названием Выгон, на которой стоял дом моей бабушки, а немного дальше по этой же стороне улицы — дом моих родителей. Это широкая песчаная улица, на ней никогда не было грязи, потому что вода уходила в песок. В засушливые лета босая детская нога уходила в мягкий, очень мелкий песок по щиколотку. Улица заканчивалась дорогой среди огромных полей, и за ними начинался лес, среди которого путь вёл в маленькую деревню Езву. На эту улицу выходил край деревенского кладбища. Здесь хоронили испокон веков. Я помню ухоженные могилы с деревянными крестами, где не было никаких гранитных или мраморных памятников, не было даже камней, только редкие деревья, кусты сирени, акации, жасмина, трава ползунок, неприхотливые цветы — и никаких оградок. Туда по весне на Радуницу устремлялась вся деревня, чтобы провести необходимые работы и поклониться могилам своих предков. Мы с бабушкой Марфой отправлялись на могилу её мужа Ивана, прибираясь, выпалывая молча траву. Бабушка вообще была молчуньей, и здесь тоже она говорила очень мало, видимо, будучи мыслями в её прошлом.

Вдоль домов на улицах стояли колодцы. Там, где вода была глубже, она извлекалась при помощи журавлей, а там, где вода была ближе к поверхности

земли, её доставали ведром, нацепленным на крюк недлинного шеста. Этот шест лежал на деревянном срубе колодца, который никогда не закрывался. Колодец примерно раз в год чистили, вычерпывая из него воду и выливая её прямо на песчаную дорогу. Никто никогда не падал в колодец, в него ничего не роняли, испокон веков это — священное место, к которому подходили только с одной целью — набрать воды.

Между домом моих родителей и соседским домом бы широкий переулочек с просторной лужайкой, где паслись обычно гуси. Дорога вела параллельно нашему огороду к колхозному складу, а оттуда троилась. Прямо шла через поля к лесу и далее, на расстоянии пяти километров, к деревне Вязьма. Направо, огибая болото, начинавшееся прямо за нашим огородом, дорога вела мимо колхозной силосной башни к лесу, в котором было видимо-невидимо брусники. Я очень любила ходить в этот лес с мамой именно за брусничкой, восхищаясь красотой полян, где малиновыми коврами стелилась ягода, так легко и быстро наполняясь гроздьями в пол-литровую стеклянную банку, которую мне давали, перевязав её горлышко тонкой верёвкой так, что её можно было прицепить к поясу. Одну за другой высыпала я их во взятое мамой ведро, входя в азарт. Впрочем, азарт имел всё-таки вторичное значение после эстетического наслаждения от блеска и красоты этих некрупных ягод, зеленобоких и белобоких там, где их не касались солнечные лучи, и сверкающих на солнце рубиновыми гроздьями среди твёрдых, блестящих, нефритовых листьев, которые так и норовили насыпаться в банку вместе с ягодами, и эти листья приходилось выдувать с ладоней, наполненных ягодами. А налево дорога вела мимо колхозной конюшни и площадки, где стояла сельскохозяйственная техника, к реке Узбинке выше по её течению. С отражением проходили мы, дети, мимо этой площадки с поломанными тракторами и машинами, потому что там страшно воняло бензином и ужасающе чернели круглые пятна земли, где пролился бензин и мазут, выжигая траву.

Дорога вела прямо к речке Узбинке, на берегу которой в этом месте стояла кузница, постоянно источавшая тонкий звон изготавливавшейся на наковальне какой-то металлической детали для починки сельскохозяйственной техники.

Возле кузни летом купались в реке дети до посинения. Стуча зубами, жались, выйдя из воды, к прогретой на солнце стене кузницы, подпрыгивали то на одной, то на другой ноге, пытаясь согреться. Рядом с кузницей на этом же берегу речки были поросшие травой развалины бывшего панского имения, разрушенного после революции. И здесь мы, дети, находили одичавшую и выродившуюся клубнику, мелкие ягоды которой всё же были крупнее и слаще лесной земляники.

От этих развалин вправо дорога вела к великолепной дубовой роще, с могучими деревьями, просторно произраставшими поодаль друг от друга. Укорней их росла мягкая, нежная трава. С огромным удовольствием играли здесь дети в любое время года, и особенно там было хорошо, когда дубы сбрасывали со своих крон светло-коричневые листья. Их было так много, и они так чудесно шуршали под ногами, утопавшими в сухих их ворохах по щиколотку.

За рощей начинался очень красивый лиственный лес, через который дорога вела в Городок. Неизвестно почему, но так называлось красивейшее место на берегу Друти. Дух захватывало от открывавшегося волшебной красоты вида с высокого берега Друти на противоположный берег. Я садилась в густую, низко стелющуюся траву вместе с другими детьми, и с высокой кручи мы молча взирали на простирающиеся дали. Необъятный, как тогда казалось, луг тянулся до самого горизонта, ярко-зелёный луг с редкими кустами вербника.

Здесь любил ловить на спиннинг шук мой отец. В выходной день он вставал рано, садился на велосипед и ехал туда рыбачить. Если я утром просыпалась позднее обычного, на столе уже дымилась уха или стояла огромная с ковородка с толстыми золотистыми кусками жареной свежельювленной речной рыбы. Папа был также великолепным охотником. Зимой он становился на лыжи и с рассветом уходил в лес, принося иногда белку, но в основном зайца. Выделанные шкурки мама потом сдавала каравочнику. Так называли человека, который иногда приезжал в деревню на лошади, запряжённой в телегу, в которой в коробках у него были мелкие товары: нитки, иголки, булавки, платки, детские свистульки. Их нельзя было купить за деньги, а только выменять на тряпки, то есть на ветошь, а на белорусском языке это «каравки». Отсюда и каравочник. Он взвешивал безменом тряпье и говорил, что на этот вес можно у него заполучить. Мама выменивала у него за тряпки и шкурки разных цветов мулине для своих любимых вышивок. Нам, детям, доставались и глиняная свистулька, и пёстрый маленький шарик на резинке, и сладкий петушок на палочке.

Новый дом

Я родилась в маленьком домике, который отец построил, когда вернулся из армии и женился. В старом доме освещение было керосиновой лампой, центром его был большой стол, за которым обедали, что-то мастерил папа, мама шила детям и себе одежду, брат Эдик делал иногда уроки, именно иногда, когда мама отрывалась от домашних дел, учила его читать и писать. И я, будучи на два года моложе, прислушиваясь к занятиям с братом, научилась по его букварю читать в пять

лет. Когда ему задавали учить наизусть стихотворение, я его тоже запоминала. Считать я тоже научилась вместе с ним.

Я помню хорошо, как строился новый, более просторный, добротный дом. Были завезены брёвна, которые отделялись топором от коры, под которой обнажалась золотистая блестящая древесина, и она источала чудесный запах. По этим брёвнам ходили, упражняясь в равновесии, дети. Они с огромным удовольствием играли среди них в прятки. Была привезена гора мягкого серебристого мха с нежным бледно-салатовым оттенком. Этот мох прокладывали между брёвен, когда начали делать сруб дома, чтобы брёвна плотнее прилегали друг к другу и будущий дом был теплее. Брёвна распиливались, чтобы составить проёмы для будущих окон и дверей. И вот появилась приставная деревянная лестница, чтобы с её помощью возвести стропила для крыши. Потом завозились и складывались в штабеля ровные доски, по которым тоже с неизменной радостью ползали, ходили, выпрямившись во весь рост, дети, получая невероятное удовольствие.

Вскоре была завезена светло-оранжевая глина, и двор покрылся рядами свежих, самодельных, ещё сырых кирпичей для новой печи. Потом появился печник, который сложил большую печь, и пока он её складывал, мама очень волновалась, беспокоясь о том, удачная ли будет печь, ведь от этого зависит и тепло в доме, и качество приготовленной еды.

И вот мы вселились в новый дом, в котором была прихожая, а с левой стороны кухня, из прихожей двустворчатая дверь вела в большую комнату, в которой за дощатыми перегородками были с левой стороны расположены друг за другом две небольшие спальни. Дом украшали яркие мамини вышивки в рамках на стенах, вышитые цветами и орнаментальными узорами белоснежные скатерти, наволочки, простыни, накидки на подушки, и тканые яркие покрывала, и полосатые, также вытканые на домашнем ткацком станке, половики. Ткалось и вышивалось всё в зимнее время, а с весны до осени, как и у всех деревенских жителей, шла работа на огороде, в колхозном поле, на сенокосе. Находилось время на сбор и обработку ягод и грибов. К тому времени, как мне пришла пора идти в школу, дом был готов. В нём уже было электрическое освещение, было проведено радио, которое не умолкало с шести утра до двенадцати часов ночи. Какое разнообразие звуков, голосов хлынуло тогда в дом! Какие интересные были детские передачи, радиопостановки с музыкальным оформлением! Звучание различных музыкальных инструментов особенно меня зачаровывало. Ведь в деревне я слышала до сих пор лишь звук гармони и бубна во время свадеб. Радио никогда не выключалось.

Поскольку отец работал в леспромхозе, он мало присутствовал дома, в основном только

по выходным дням, поэтому все заботы о детях, об их воспитании, о доме, хозяйстве лежали на плечах мамы. Хотя в Советском Союзе религия была запрещена, но в деревне наряду с советскими праздниками отмечались христианские праздники, главными из которых были Пасха и Рождество, которое у нас называли «Каляды». К этим праздникам детям шилась одежда, покупалась обувь, хотя, начиная с Пасхи и до поздней осени, в основном дети ходили босиком. В переходные периоды холодного и тёплого времени года носили резиновые сапоги, а зимой — валенки, галоши от которых тоже использовались весной и осенью. Кануны христианских праздников я не любила, потому что в это время в доме снимались занавески с окон, скатерти со столов, покрывала с кровати. Возникло смутное ощущение какой-то осиротелости и бесприютности. Всё перемывалось, стиралось, потом выглаживалось утюгом. Причём утюг был чугунный, с открывающейся сверху крышкой, чтобы засыпать в него горячие угли. Печь белилась, полы скоблились, так же как и печные ухваты, мылись окна и двери, подметался двор, наводился порядок в сараях и в «стобке» — это отдельное строение, в котором хранились овощи: картофель, свёкла, морковь, квашеная капуста в огромной бочке и, также в большой бочке, солёные огурцы. Весной заготавливался берёзовый сок, и бочка «кваса», как называли берёзовый сок, тоже стояла в «стобке». И когда, наконец, всё чистое занимало свои места, в доме возникало ощущение настоящего праздника, уюта и благодати. Накануне также перебирался лук, с него снималась шелуха, чтобы в её отваре красить яйца, в печи варился холодец, выпекалась пасха. Я не помню такого, чтобы мама молилась, но, несомненно, все христианские ценности и заповеди она исповедовала и передавала их детям. И родители, и мы, дети, — крещёные. Хотя языческие вещи тоже присутствовали в жизни. Например, на Пасху мама ставила на табурет тазик с водой, в котором лежало крашеное яйцо.

— Умывшись в воде с красным яйцом, ты будешь красивой, — так объясняла мама.

Нет уже того дома, нет Узбинки, превратившейся в ручеёк и заключённой в трубу в том месте, где был мост. Но в памяти дорога каждая пядь земли, где бегали босые ноги, и всё, что мы любили.

Дом бабушки Марфы

Основным местом для моих игр были дом и двор моей бабушки Марфы, матери моей мамы. Это был очень старый дом в одну большую комнату. С левой стороны у самой стены стояла большая печь с комельком в правом углу печи. На этом комельке, представлявшем собой квадратное углубление в печь, бабушка готовила нехитрый ужин. По левую сторону от печи шли две деревянные кровати одна за другой у стены. Как раз от печи до стены

они две и помещались. Бабушка спала на той, что ближе к печи. Когда к ней приезжали гости, то эти две кровати задёргивались шторкой, подвешенной на шесте почти под потолок, от печи до стены с двумя окнами, выходящими на улицу. Между этими двумя окнами стоял старый диван, не раскладывающийся, покрытый вышитыми дорожками. В углу справа висела икона с изображением Христа, перед которой бабушка молилась утром и вечером. В этом углу на полу стоял старый сундук, в котором бабушка хранила свои юбки, фартуки, кофты и большие шерстяные платки, а также и лёгкие с яркими цветами, и простые ситцевые. Больше всего мне нравилось рассматривать, когда бабушка перекладывала вещи в сундуке, её подвенечный наряд, как она говорила. Это были шёлковая блузка и такая же юбка белого цвета; впрочем, белизна их уже несколько утратила свою свежесть, но нежность ткани притягивала.

Рядом с сундуком на полу стояли комнатные цветы, почти все они доставали чуть ли не до потолка, были пышными, и это был весёлый, нарядный уголок дома благодаря этим растениям. Ближе к середине дома от этого угла стоял небольшой стол, накрытый тканой льняной скатертью с кружевами по краям. Под скатертью бабушка хранила свою пенсию. Бумажные деньги она складывала пополам, и всё же их было так немного, что они даже и не выпирали под скатертью, потому что это было всего лишь двенадцать рублей. На столе отбивал «тик-так» будильник. Я уже упоминала, что у нас дома не выключалось радио, а у бабушки, не знаю по какой причине, в доме радио не было, и когда я приходила к ней в дом, меня поражала его тишина, я слышала только неспешное тиканье этого будильника, напоминавшего бабушке о времени, так как она придерживалась строго заведённого ею порядка жизни.

К Новому году, Восьмому марта, Первому мая и Седьмому ноября бабушке приходило около десятка поздравительных открыток, которые ласковой рукой расставлялись на этом столе. Именно расставлялись, потому что бабушка на что-нибудь их опирала под углом в сорок пять градусов: на катушку ниток, на стаканчик, на стопку из двух-трёх книжек. Я приходила и замирала пред ними, рассматривая сюжеты: пейзажи, птицы, цветы. У этого стола произошло моё первое знакомство с русской живописью. Кто-то прислал открытку с репродукцией картины Карла Брюллова «Портрет Самойловой». Костюм, движение, краски, выражение глаз красавицы я могла заворожённо рассматривать часами, ничего не зная ни о художнике, ни о его героине.

Правая стена дома имела два окна во двор. И между этими окнами стояла ещё одна кровать, уже металлическая, с никелированными дужками спинок. Кровать для гостей — с малиновым

тканым покрывалом и белыми накидками с вышивкой ришелье на большие подушки. В правом углу дома напротив печи стоял стол с двумя скамейками у стен и табуретками у двух других сторон стола. У бабушки никогда не было беспорядка в доме: всегда всё чисто, аккуратно, выстирано и выглажено, на пышных комнатных цветах не было пыли на листьях. Никогда я не видела грязной посуды. На столе лежала чистенькая клеёнка, а на ней только хлеб, накрытый тканым льняным рушником.

Ничего лишнего в доме, а только самое необходимое в безупречном порядке.

Первые уроки жизни

Моё самое раннее воспоминание детства относится к трём годам жизни, когда родился мой младший брат Валерий. Это было двадцать шестого июня 1955 года. Я помню, как пришла к нам бабушка Марфа. Я видела смутную тревогу на лицах мамы и бабушки, которая увела к себе меня и старшего брата Эдуарда. В то время в деревне не было врача, и дети появлялись на свет сразу у себя дома. К вечеру бабушка сказала о рождении мальчика. Он спал в специальной маленькой деревянной люльке, подвешенной к потолку на длинных верёвках. Маленький братик сразу стал моей заботой. Я качала люльку, чтобы он заснул, когда мама была занята домашними делами. Я сторожила его сон, когда мама работала в огороде на грядках, и бежала за ней, когда надо было поменять пелёнки.

Когда мне было четыре года, я впервые увидела город Быхов с каменными домами и широкими улицами. Отец повёз меня к врачу, потому что у меня была золотуха, как говорили дома. Сегодня это называют диатезом, и я отлично помню его причину. Отец заболел туберкулёзом, и мама приговорила ему снадобье — мёд, перетопленный со сливочным маслом с добавлением сока алоэ. Когда никого не было дома, я взяла ложку, и отцово лекарство мне очень понравилось. На следующий день моё лицо покрылось коркой. Врач прописал мне хлористый кальций и ещё что-то. Эти лекарства были отвратительными на вкус, и их приём требовал от меня огромного мужества. После посещения врача отец повёл меня в столовую. Он заказал борщ, котлеты и компот. Уставшая от волнения, пережитого от встречи с доктором (теперь я понимала, что это такое), я совсем не хотела есть, только попробовала еду. Но больше всего запомнилась белая скатерть на столе и очень приветливая, улыбчивая официантка.

Золотуха не проходила, и мама повела меня к бабке-шептухе, как говорили в деревне. Баба Марья жила на краю деревни. У неё был страшный петух, который мог наброситься на проходившего мимо её дома человека, усесться на голову и долбить её клювом. Мы, дети, очень

боялись ходить в ту сторону улицы. Слава Богу, когда мы пришли с мамой, петуха во дворе не было. Посещение бабы Марьи было моим первым и единственным мистическим опытом. Велев сесть на табурет, она взяла шило или большую иголку, точно не помню, вытащила из печи тлеющие красным огнём угли сгоревших дров, наткнула один из угольков на остриё иглы и стала водить вокруг моего лица, что-то совершенно неразборчиво нашёптывая. Я не поняла ничего, кроме двух слов: «Раба Божья». Мне было довольно любопытно это действие. «Интересно, как долго это будет длиться?» — спрашивала мысленно я себя. Магия была недолгой. Вспатриваясь в лицо бабы Марьи, я читала на нём ласковое выражение, чувствовала лёгкость её рук. Потом баба Марья дала маме каких-то сушёных трав, и мы вернулись домой. На ночь я пила отвар из принесённой травы, вкус которой не вызвал у меня никакого протеста, этим же отваром были смочены и мои щёки. Утром я проснулась с ощущением огромного облегчения. Стянутость кожи исчезла. Я тут же сообщила об этом маме. Исцеление от золотухи не заставило себя ждать. Было ли это результатом только действия целебной травы, или уголёк с нашёптыванием тоже имел своё действие? Однозначного ответа не знаю, но спасибо бабе Марье. Сколько таких бабушек было по деревням. Были и у них, как в моём примере, положительные результаты их целительства, пока официальная медицина не шагнула в самые заброшенные уголки и отдалённые деревни.

Ум даётся на то, чтобы его использовать

Помню случай, к которому в мыслях я не раз обращалась в своей жизни. Вернее, это не случай, а мой первый жизненный урок. Когда отец строил дом и был уже выведен сруб, установлены стропила на крыше, к дому была приставлена лестница с высокими перекладинами. Отец был высокого роста и делал её под себя. Две жерди с набитыми гвоздями на них перекладинами. Мы с Валерой играли во дворе. Ему было уже три года. Дома никого не было, а моей задачей было смотреть за ребёнком. Не помню, куда я засмотрелась, но вдруг сердце моё похолодело от ужасного крика братца, когда я увидела, что он взобрался по лестнице под самую крышу, которую только начали накрывать. Моя душа затряслась от страха, что брат может свалиться с лестницы.

— Слезай! — закричала я ему.

Если бы он мог это сделать, он бы и не кричал. Маленькая ножка тщетно пыталась дотянуться до перекладки. Слишком большое расстояние между ними. Я взобралась по лестнице к нему, пытаюсь помочь ему достать ногой до перекладки

лестницы. Всё было напрасно. Он испугался и только крепко уцепился руками за лестницу, пытался дотянуться ступней до перекладины, но не мог. Я мигом слезла с лестницы и закружилась вокруг неё в поисках решения.

— Что делать? Что делать? — спрашивала я себя, испытывая волнение.

Глаз мой упал на колодку, обрезок бревна, высотой около двадцати сантиметров. Я схватила его и начала подниматься по лестнице к брату. Я ставила на каждую перекладину этот обрезок, брат ставил ножку сначала на него, а потом уже — на лестницу.

— Только не спеши, — уговаривала я брата.

И спуск был благополучно завершён. Необыкновенное счастье охватило меня. Брат был спасён, с ним всё хорошо! А ещё чувство гордости за себя, за свою находчивость. А ещё чувство вины, что могло быть всё плохо. А позже я, возвращаясь мысленно к этому так напугавшему меня инциденту, сказала себе: ум человеку дан для того, чтобы его использовать.

Не всё то золото, что блестит

Из дошкольного возраста помнится ещё один урок жизни, который не раз вспоминался во взрослой жизни. Когда уже был построен дом, а к нему — сени, которые в деревне назывались «сенцы», мы как-то со старшим братом сидели на их крыше. И с неё открывался вид на огород соседей, посреди которого росла молодая груша. В нашем саду такой не было. Её довольно крупные плоды, это был уже конец августа, привлекли наши взгляды. Брат уговорил меня слазить в соседский огород и сорвать две груши. Я легко согласилась на это, потому что он должен был смотреть, чтобы в это время никто из соседей не появился. Груш на дереве было очень много, и исчезновение двух будет незаметным. Легко перемахнув забор, сорвав две груши, я поднялась с ними на крышу. Мы с братом надкусили их. Какое же это было разочарование! Они были такими твёрдыми и безвкусными! То, что кажется привлекательным, не всегда на самом деле оказывается таким при соприкосновении с ним.

Брат рассказал об этом маме, и она в гневе, тряся меня и размахивая надо мной полотенцем, кричала мне:

— Рассчитайся с жизнью!

Только такое наказание могло удовлетворить маму за мой поступок.

— Это же надо до такого додуматься — ползть за Тэклиными грушами!

Баба Тэкли была хозяйкой груш. Мне было стыдно, а также жалко маму, что она так расстроилась; я не сомневалась в справедливости её наказания, чтобы получить понимание, не допуская самообмана: не всё то золото, что блестит.

Мамины уроки

Мама знала огромное количество всевозможных деревенских легенд.

Помню, как в первый раз мама взяла меня с собой, когда пошла на луг в сторону реки Друть за щавелём. Это было жаркое лето, идти было долго. Какая-то птица над лугом жалобно пищала. На вопрос, почему она так тоскливо вскрикивает, мама сказала, что эта птица была когда-то человеком, женщиной. Вся моя усталость от длинной дороги улетучилась, я встрепенулась от мысли, почему такое произошло.

— А произошло вот что, — говорила мама. У неё была великолепная дикция и артистизм в голосе. — Сказал Бог людям, что надо речку копать. Все они пришли и выкопали все вместе глубокую и широкую речку, чтобы была у них всегда вода. И только одна женщина не принимала в этом участия. Бог всё видит. Он наказал эту женщину, превратив её в птицу, которая может пить только росу на заре, а пить из реки не имеет права.

Дальше было объяснение, что нельзя отделять от людей. Если они вместе делают какое-то полезное дело, ты должна быть с ними. Это был мой первый в жизни урок собранности.

Среди дошкольных воспоминаний есть ещё один урок, который я запомнила навсегда. Мама взяла меня с собой в лес за земляничкой. В Белоруссии эти ягоды называют «суницы». Когда мама собрала горсть первых ягод, она не съела сама, не дала мне, как я надеялась своим детским умом, а стала оглядываться по сторонам. Она искала пенёк и, найдя его рядом, положила на него первые суницы лета.

— Дедам! — коротко произнесла мама.

Она преподнесла мне урок памяти о тех, кого уже нет с нами, урок невидимой, но существующей в сердце связи с ушедшими поколениями, урок способности к самоотречению, урок православной традиции: если давать, то — лучшее.

Если страшно, подожди немного, и пройдёт

Примерно к возрасту шести-семи лет относится ещё одно моё открытие. Это было лето. На краю кладбища был пригорок, который жители деревни периодически раскапывали, извлекая для каких-то нужд ярко-жёлтый сыпучий песок. Брали его немного, допустим, ведро, не больше, поэтому образовавшиеся углубления были небольшими, и там приятно было детям играть. И вдруг мы обратили внимание, что небо приобрело страшный лиловый цвет. Надвигалась гроза. Все разбежались по домам. Я почему-то побежала к бабушке Марфе. И по недолгой дороге это тёмно-фиолетовое небо разрезали ветвистые огненные молнии, а гром, казалось, выстреливал из невидимого орудия прямо над головой. Чувство ужаса охватило меня. Нет,

я видела грозу и раньше, но эта была особенная. Стало почти темно. Синевато-чёрное небо придавило землю. Ливень как из ведра хлынул на неё, едва я успела вскочить в сени дома бабушки. Она, крестясь, говорила, что это не гром гремит, это Бог гневается на людей. Мою детскую душу наполнил страх этого гнева. По стёклам окон лился сплошной поток воды.

— За что гневается Бог? — спрашивала я у бабушки.

— За то, что они недобрые! — отвечала она.

Я затаилась, вспоминая, кто добрый, кто злой, и, не найдя зла в бабушке, прижалась к ней. В это время шум дождя стал затихать, а небо — проясняться, чтобы, очистившись от туч, засиять синим шёлком под лучами яркого солнца.

— Что это было? — спрашивала я себя, всё ещё переживая тот ужас, охвативший меня, когда я увидела огромное и низкое чёрно-фиолетовое небо, и одновременно испытывая счастье от яркого солнца, отражавшегося в широких лужах на деревенской улице.

Мой детский итог этого потрясения: если тебе страшно, это будет не всегда, надо набраться терпения, и то, что ужасает тебя, пройдёт, как проходит самая страшная гроза.

Говорят, что первым детям в семье труднее прокладывать свой жизненный путь, а вот вторым, третьим — легче, потому что на примере своих старших сестёр или братьев они уже знают, чего не надо делать. Я соглашусь с этим, потому что, будучи младше на два года своего брата Эдуарда, слушая, как его воспитывали родители, с ним беседовали, я уже вела себя и размышляла в соответствии с требованиями родителей. Одновременно практически шло моё развитие с Эдиком. Когда ему покупали лыжи, коньки, велосипед, это было равнозначно тому, что и у меня это есть. В городки, изготовленные отцом, играли все дети с улицы. Когда брата учили читать и считать, означало, что я очень быстро тоже этому обучилась. Причём чтение меня захватило. Я записалась в деревенскую библиотеку и раз в неделю ходила туда за книгами. Сказки, какие-то интересные истории пересказывались младшему брату.

О доброте

Заболела бабушка — значит, я прибежала к ней с какой-то сказкой и читала ей. Бабушка говорила:

— Добрая ты, очень добрая! Только не знаю, радоваться ли этому. Беспокоюсь за тебя.

Я не понимала, о чём она говорила. Может быть, она полагала, что доброта моя от слабохарактерности, не учитывая силы характера, силы воли и работоспособности моей мамы, которые, думаю, перешли мне в достаточной степени. Или её житейский опыт говорил, что нельзя быть доброй абсолютно ко всем, с чем я соглашусь,

будучи доброй к другому человеку до тех пор, пока он не покажет, что не достоин твоей доброты. Бабушка так и не узнала для себя, что она была самым достойным моей доброты человеком, самым любимым, потому что я ей так и не успела сказать об этом словами, но она должна была это чувствовать, потому что я старалась заботиться о ней. Бабушка была молчаливой, аскетичной, дважды остававшейся вдовой с малолетними детьми.

Я спросила однажды у своей мамы, почему она окончила только два класса, на что она сказала, что сначала не в чём было ходить в школу, потом появились младшие брат Володя, сестра Нина, потом Лиля Сашина, за которыми надо было смотреть, потому что бабушке Марфе надо было работать в колхозе. И мама вынуждена была оставить школу, чтобы смотреть за детьми, вести дом, мыть полы, стирать и делать другую домашнюю работу, кормить скотину, доить корову.

Быт, игры и труд

В деревне дети гораздо ближе друг к другу, чем в городе. У нас в доме бывало очень много детей. Иногда мы делились, кто именно относится к друзьям братьев, кто — к моим, но чаще всего такого деления не было, а было по интересам. У нас дома были шашки, шахматы, домино, карты (играли в дурака) и настольный бильярд. Больше всего мне нравилось играть в шахматы, которым обучил меня отец, но редко кто из детей умел играть в шахматы. С отцом только и играли. А шахматными фигурами играли в шашки. Старший брат умел играть в шахматы, но не хотел.

Дома играли в основном в холодное время года, а в летнее — совсем другие занятия: прополка огорода, полив грядки, окучивание рядов картофеля, надо пасти тёлку, кормить кур, ходить в лес за ягодами, за грибами, а потом ещё перебрать эти грибы, отмыть их в воде, несколько раз сходя к колодцу за водой, ворочать сено, чтобы оно быстрее сохло. Родители трудились от зари до зари, включая по их силам своих детей. В колхозе каждой семье выделялся участок для обработки — прополки кукурузы. Дети активно участвовали в этих работах.

В очень раннем возрасте меня обучили убирать лён. Это называлось — «брать лён». Ничего сложного. Стебли льна выдёргивались из земли с корнем, а потом вязались в снопы одинаковой толщины.

У бабушки в зимнее время извлекался откуда-то из кладовой ткацкий станок, на котором ткались скатерти, полотенца, покрывала и дорожки на пол.

Ткали по очереди и бабушка, и мама. Помню, какой это торжественный процесс разворачивался, когда льняные или шерстяные нитки отбеливались или красились, сушились. Предварительно

нитки прялись на самопрядке из льняной кудели и из овечьей шерсти. Я не помню, как бабушка стригла своих овец, но стрижка колхозных овец была равна какому-то празднику. Огромное количество женщин приходило с большими ножницами. Овцу ловили, связывали ей ноги, укладывали на застеленную на землю «подстилку» и вскоре возвращали эту смиренную, совсем не сопротивляющуюся овцу в овчарню, внешне похудевшую, коротко остриженную. Шерсть складывали в мешки, которые колхоз сдавал государству. Стрижка овец проходила как раз за огородом бабушки, где было огромное открытое пространство, где все и располагались, усевшись на колени перед лежавшими овцами.

В свои дошкольное детство я вспоминаю, как бабушка выращивала на огороде коноплю. Когда она вызревала и засыхала, то бабушка её стебли трепала на таком специальном станке. На деревянных козлах, на которых резали дрова, устанавливалось деревянное приспособление, которое трепало конопляные стебли, чтобы верхняя их жёсткая корочка отпала, а оставалась только мягкая кудельчатая внутренняя структура, которую пряли на нитки, делали из неё верёвки.

Из просторных сеней бабушкиного дома одна дверь вела в жилое помещение, вторая — в кладовую, где в деревянных кублах (небольшие бочки с крышками) хранились сало, мука, соль, крупа, зерно.

А третья дверь вела в помещение, где была ручная мельница, представлявшая собой тяжёлые каменные жернова, перетиравшие зерно на муку. Это был очень древний инструмент, и бабушка им практически не пользовалась, ведь мука в магазине продавалась. Использовала она жернова для изготовления солода только в случае, когда нужно было выгнать самогонку. Бабушка сама, как и моя мама, никогда не пила спиртного, когда приходили гости, могла слегка только пригубить, и то только вид делала, но самогонка была в деревне нужна два раза в год: на проведение посевной и уборку урожая, вместе с заготовкой сена корове и дров на зиму. В этих работах без лошади не обойтись. При лошади всегда мужчина, которого нужно было отблагодарить бутылкой самогона. Много работ в сельской жизни, когда приходится просить не одного мужчину, а нескольких. Платой за труд в деревне была только самогонка. Она выгонялась в строжайшей тайне, с большим волнением и риском, потому что была запрещена в Советском Союзе, и не раз меня использовала мама или бабушка как дозорного, часового. В случае, если кто-то приближался к дому, нужно было сообщить об этом. Если происходило так, что человек шёл именно к нам, то бабушка, например, или мама выходила сама на улицу и вела беседу у калитки, не приглашая в дом. А моя задача была в это

время — смотреть, какой струйкой бежит напиток в стеклянную пол-литровую банку, ровно ли горит огонь под чугунком с брагой. В магазине водка продавалась, но денег не хватало.

Уровень жизни нашей семьи был немного выше, чем у тех семей, где родители были заняты в колхозе. Мама делилась с бабушкой, когда ездила в Быхов за продуктами или их привозил отец. Возле дома в палисаднике родители посадили молоденькую лиственницу с нежными, мягкими иголками, а также цветы.

В зимнее время мама любила вышивать, иногда пряла пряжу на самопрядке. У нас в доме всё было украшено вышивками: простыни, пододеяльники, наволочки, полотенца, скатерти. А также висели на стенах довольно большие картины, вышитые мамой, в простых деревянных рамах, которые делал отец. Самой большой была картина примерно один метр высотой и восемьдесят сантиметров шириной, на которой были изображены парень с девушкой, танцующие под раскидистой берёзой танец «Крыжачок». Так называлась картина. Очень мне нравилась вышивка с искусно выполненным изображением красивой девушки с корзинкой в руках, наполненной цветами.

И как маме удавалось всё это создавать с тремя детьми на руках при довольно большом хозяйстве? У нас была корова, телёнка её каждый год мы продавали. Свиной было две. Одного кабана убивали к Рождеству, второго — к Пасхе. И тут же покупали на его место маленького поросёнка. Когда убивали кабана, а это был целый ритуал, детей из дома не выпускали, чтобы они этого не видели, но в обработке, в изготовлении колбас мы уже принимали участие. У нас было достаточно много гусей и кур, а также были собака, которая жила только во дворе в будке, в дом её не пускали, и кошка. Она была очень ласковой и умной. Когда мы переехали в Бобруйск в 1963 году, то как-то получилось, что мы её не взяли. Через некоторое время она пришла к нам домой. Как она могла нас найти — это загадка природы. Мама вела дом так, что в нём были безупречный порядок и чистота.

В свободное время я бежала в сельскую библиотеку, чтобы взять новую книгу, открывающую иной и часто непонятный для сельской девочки мир. Для меня это было моим любимым занятием. Но невозможно не заниматься домом и хозяйством: ошипать перья убитой и ошпаренной кипятком курицы или гуся, подметать полы, следить за младшим братом, участвовать в прополке огорода, в засолке капусты и огурцов, выбирать из стручков спелую фасоль, горох и много других обязанностей.

Рассказ мамы о начале войны

— Старшая сестра моя Саша (Купцова Александра Андреевна) перед войной работала в деревне Подсёлы (на другом берегу реки Друть

по отношению к деревне Хомичи) в сельском совете. Однажды она принесла домой патефон с пластинками. В субботу патефон был вынесен на улицу около дома, собралась молодежь, слушали музыку, танцевали. Был тёплый летний вечер двадцать первого июня 1941 года. Радио в деревне отсутствовало, информация передавалась устно, друг от друга узнавали важные и мелкие события.

На следующий день узнали, что началась война. Стали думать, как и что спрятать, закопать в землю, потому что бабушка твоя помнила Первую мировую и Гражданскую войны. Вскоре фашисты вошли в деревню.

Над дверью в клубе они прибили немецкие надписи, развесили красные знамёна с чёрной свастикой.

Сосед Демьян, живший через дом от нашего дома, ближе к клубу, набрал в шапку куриных яиц и, кланяясь, подошёл к немцам: «Угощайтесь, паночки!» Его за это все в деревне презирали. Деревня наша была партизанской, а в Подсёлах — одни полицаи.

Через несколько дней один из них приходит к нам в дом. Отец мой, Отставной Иван Свиридович, умер перед войной, в 1940 году. Он работал лесником. Однажды в жару он попил воды из лесного болота. Вечером у него поднялась высокая температура. Антибиотиков в то время не было. Врача в деревне тоже не было. К утру он умер.

Так неожиданно мы потеряли отца. У мамы, Отставной Марфы Игнатовны, было трое детей от её второго мужа, Отставного Ивана: я, Мария, Владимир и Нина. Саша была дочерью от первого брака мамы, первый муж — Андрей.

Полицай был вооружён пистолетом и наставил его на маму, рассказывала моя мама: «Отдавай патефон!» Мама была очень убедительна, когда говорила: «Хведарка! Нима патефона у нас. Саша отнесла назад в Подсёлы». — «Отдай патефон, а то сейчас всех перестреляю!»

Он стал наставлять дуло пистолета на детей, но мама клялась и божилась, что патефона в доме нет. Мы, дети, в страхе жались друг к другу и молчали о том, что на самом деле мама патефон замотала в чистую тряпицу, затем в клеёнку и закопала его за домом в землю в деревянном кубле от сала. Она считала, что война скоро закончится, и тогда она откопает патефон, чтобы снова слушать песни, подпевать и танцевать, радоваться Победе.

Война затянулась надолго, и когда она закончилась, мама откопала патефон, сохранилась и пластинка, и долго патефон брали концы деревни, чтобы слушать пластинки, пока не сломалась иголка, а найти новую было сложно.

Полицай Фёдор, который приходил в дом, так ничего от мамы не добившись, вывел из сарая коня, которого мама как раз перед войной у него же купила за восемь пудов зерна. Мама пыталась отстоять своего коня, но ничего у неё не вышло, она осталась без зерна, без коня...

Большинство семей в деревне имели связь с партизанами. Но основным связным был Сеня (Арсений), фамилии не помню. У него не было кисти руки. Много лет назад он попал под поезд и лишился кисти. Сеню выследили полицаи, поймали его и сдали немцам. Они повели Сеню на расстрел на кладбище, где он должен был выкопать себе могилу сам. Согнали всю деревню. Помогая себе культёй, он смог выкопать маленькую траншейку. Расстреляли его полицаи и прикопали в этой траншейке. Мы, дети и взрослые, возненавидели немцев, ещё больше — полицаев. Односельчане потом перезахоронили Сеню.

Когда Красная Армия погнала фашистов от Москвы, то деревня наша стала линией фронта. Били по ней и наши, и немцы. Она полностью сгорела, осталось в ней только три дома, в том числе и наш дом, только в правый угол с улицы угодил снаряд. Все окна и двери были выбиты, но всё же это было лучше, чем начинать с землянки.

Рассказ мамы где-то уже после перестройки

Однажды, спросив у мамы о своём дедушке и почему в деревне больше нет людей по фамилии Отставной, я получила такой ответ:

— Мой отец — Отставной Иван Свиридович. Его фамилия Отставной пошла от того, что однажды лесник нашей деревни рано утром отправился осматривать лес. Он обнаружил на дороге разграбленную карету, из которой были выпряжены лошади.

— А когда это было? — спросила я.

— Да лет сто назад. Молодые женщина и мужчина, хорошо одетые дворяне, были убиты и ограблены. В карете лесник отыскал забившегося под скамейку перепуганного мальчика лет пяти. Мальчик он привёз в свою семью. Заявление властям о случившемся не получило никакого отклика, и мальчик вырос в семье лесника, тоже стал лесником, женился. И он мне приходится прадедом. Отец мой тоже был лесником. Поскольку мальчик остался в живых один, то ему и дали фамилию Отставной, от слова «оставить» или потому, что убийцы его родителей оставили мальчика в сторону, отставив от смерти. В семье старались об этом не говорить, потому что в советское время не приветствовалось подобное происхождение.